

Аврамий НОВОПОЛЬЦЕВ

Новопольцев Авраамий (Абрам) Кузьмич (апрель 1820 – 6.09 (25.08). 1886), выдающийся русский сказочник.

Родился в селе Ясаиное Помряскино Ставропольского уезда Симбирской губернии (ныне Старомайнский район Ульяновской области). Был бедным, безземельным крестьянином, работал пастухом, зимой ходил на отхожие промыслы пилить дрова. Имел четырёх сыновей. По воспоминаниям современников Новопольцев был высок, широкоплеч. Любил побалагурить и рассказывать сказки, чем и прославился на всю округу. В конце 1870-х гг. поэт и литератор, «певец Волги», Д.Н. Садовников обратился к собиранию фольклора, руководимый желанием глубже узнать жизнь народа. В селе Новиковка, в усадьбе помещика Лазарева, на дочери которого был женат Д. Садовников, он записал семьдесят две сказки Абрама Новопольцева, которые составили основное содержание сборника «Сказки и предания Самарского края», изданного Русским географическим обществом в 1884 г. В предисловии Садовников намеревался рассказать о жизни сказочника, но не успел. Сборник был издан только через год после смерти фольклориста, а рукопись предисловия так и не была найдена. В родном селе оригинальный талант земляка не ценили, он умер в нищете, его могила затерялась на сельском кладбище.

В наше время возрастает интерес к творчеству замечательного сказочника. В Год литературы он назван одним из «двенадцати симбирских литературных апостолов».

Абрам НОВОПОЛЬЦЕВ

ИВАШКА БЕЛАЯ РУБАШКА, ГОРЬКИЙ ПЬЯНИЦА

СКАЗКИ

В некотором было царстве, в некоем было государстве жил-был князь Володимир Красное Солнышко Суслаевич. Выходил князь Володимир Красное Солнышко Суслаевич на свой высокий крылец и кричал своим громким голосом: «Сходитесь, князья и бояре, и сильные могучие богатыри, ко мне на высокий на красен крылец, и буду я у вас просить просьбу, и сослужите мне службу, а не службу – дружбу. Кто ж бы съездил на реку на Смородину, убил бы змея об двенадцати головах, об двенадцати хоботах?» Все друзья-бояре соходились и его приказу боялись, и друг за дружку прятались: барин за барина, дворянин за дворянина, мужик за мужика. Выбирался из них один Алеша Попов сынок жеребьей родни, и говорит князю Володимиру: «Я вам сослужу службу, а не службу – дружбу: съезжу на реку на Смородину, убью змея о двенадцати головах, о двенадцати хоботах». И выходит вперед, подходит к князю вплоть и говорит: «Князь Володимир, пожалуйста мне водки: у меня с похмелья головушка болит!» Приказал князь дать ему водки, зелена вина, полведра. Он же, Алешенька Попов сынок, ее одной рукой принимал и одним духом выпивал. Говорит Алеша Попов сынок: «Эх, князь Володимир Красное Солнышко Суслаевич, хороша бражка, да мала чашка. И так я, добрый молодец, только опохмелился!» И стал просить Алеша Попов сынок у князя на неделю срокуприизыскать себе еще двоих товарищей. Князь отвечал ему: «Алеша Попов сынок, вот тебе сроку на два месяца, только съездий».

Алешенька ходил по деревням, по кабакам и по трактирам и нашел себе товарища, доброго молодца Добрынюшку, сына Микитьича. Говорит ему: «Здравствуй брат, добрый молодец Добрынюшка, сын Микитьич! Пойдем со мной сослужить службу князю Володимиру Красному Солнышко Суслаевичу, съездить на реку на Смородину, убить змея об двенадцати головах, об двенадцати хоботах». Отвечает добрый молодец Добрынюшка на ответ его слово: «Я, брат, молодец Алешенька, готов бы тебе службу служить, да только головушка с похмелья болит, не можется». Отвечает Алешенька: «Пойдем, я тебя опохмелю». Повел же Алешенька к князю Володимиру. Подходят к его крыльцу; говорит Алешенька князю: «Князь Володимир Красное Солнышко Суслаевич, пожалуйста водки, зелена вина, ведро». Князь Володимир приказал вынести зелена вина ведро. Добрый молодец Добрынюшка одной рукой принимал, единым духом выпивал. «Благодарю, брат Алеша Попов сынок, что меня опохмелил, готов служить службу до жизни веку». Сказал ему Алешенька: «Пооди, брат, погуляй, а я себе третьего товарища приищу».

Ходил несколько Алеша Попов сынок по кабакам, по трактирам и по селеньям и не мог себе третьего товарища найти. При край же того селенья кабачишка стоит на боку, и боком в него не влезешь, и тут самое годное место, где пьяные ходят до ветру, и тут валяется человек, весь в дряне заморанный. Он посмотрел в лицо – лицо его знакомое. Стал он его будить и стал

его трюкать, и в ж...у его стал пинком пинать. И вдруг он проснулся, глаза открыл и смотрит на него. «Что ты, брат, меня будишь и трюкаешь, и в ж...у пинком пинаешь? Узнал ли ты меня?» – «Как тебя мне не узнать? Здравствуй, Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница! Я третий день тебя ищу. Как мне тебя нужно!» Отвечает ему Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница: «Что тебе меня, брат, нужно, Алеша Попов сынок?» Отвечает ему Алеша Попов сынок со слезами: «Я, братец, до твоей просьбы. Просит князь нас и вас сослужить ему службу, а не службу – дружбу: съездить на реку на Смородину, убить змея об двенадцати головах, об двенадцати хоботах». Сказал Алеше Попову сынку Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница: «Готов служить; только не могу: головушка болит. Вечор я у друга на балу был». Отвечает Алеша Попов сынок ему: «Эх, брат, Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница, пойдём, я тебя опохмелю!» Встает с радостью Ивашка; встал, встряхнулся, на все на четыре стороны оглянулся: «Куды же, братец, ты меня поведешь опохмелиться?» Говорит Алеша Попов сынок: «Иди за мной!» Подводит к князю на крылец, кричит Алеша Попов сынок: «Князь Володимир Красное Солнышко Суслаевич! Подай чару зелена вина в полтора ведра! Нашел я третьего себе товарища, у него с похмелья головушка болит, и не может он слов говорить и службу служить». Князь Володимир выходит и вина выносит полтора ведра. Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница, единой рукой принимал, единым духом выпивал и говорит Алеше Попову сынку: «Ну, брат Алексей, теперь я опохмелился; это нам проклажаться нечего, а надо, куды вздумали, ехать». Говорит Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница: «О, братцы-товарищи! Поедёмте в мои заповедные луга! В моих заповедных лугах ходит табун коней!»

Приходят они в заповедные его луга, стали коней выбирать. Алеша Попов сынок первого коня себе нашел. Добрынюшка молодец, сын Микитьич, второго коня себе нашел. В третий раз Ивашка пошел сам себе коня искать. Ходил, несколько обошел коней, не мог себе найти такого коня, чтоб в веки мог ему служить. Которого возьмет за гриву – голову оторвет, которого за хвост – хвост выдернет; наложит на спину – спина переломится. Обратился Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница на восход красного солнышка, закричал своим громким голосом, богатырским: «Гой еси, где ты мой добрый конь Сивка-Бурка?» Услыхал же Сивка-Бурка голос хозяйский; шибко бежит, аж земля дрожит, из ушей дым столбом валит, изо рта пламя пышет. Он в одно ушко влез, напился, наелся; в другое влез – чище того нарядился. И так стал добрый молодец – ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. И так добры молодцы сели на добрых коней, поехали во чисто поле, во дикую степь. Горы, доли перепрыгивают, темные леса между ног пускают. Было им ехать на то место, на реку на Смородину три года – они доехали в три месяца. Приезжают на реку Смородину; на реке на Смородине нет ничем-ничего,

один мост. И говорит Ивашка Белая Рубашка своим братьям-товарищам: «О, братцы-товарищи! Давайте себе выстроим хижинку». И стали лес таскать. Как захватят – из корню выдернут, не очистивши сучки, в стопы складывают, избу делают.

Настлали потолок, и пристегает их тут темная ночь, им будет тут должно ночевать. И говорит Ивашка: «Ну, братцы-товарищи, давайте копиться; кому достанется в избеночке спать, одному на пути, на дороге, на мосту ночевать». Стали кониться, и досталась первая ночь ночевать Алеше Попову сынку – ночь ночевать и на карауле стоять. Он, как завечеряло, берет свою сбрую ратную и копьё булатное и отправляется на мост, на дорогу. Немного постоял – дрема его одолела, крепко спать захотел и думает себе: «Дай поиду малость отдохну, потом проснусь». Лег ненарочно и проспал всеё ночь. А Ивашке Белой Рубашке, Горькому Пьянице темная ноченька не спится, подушечка в головушке вертится. Встал, встряхнулся, на все на четыре стороны оглянулся и пошел в путь-дорогу, и встал на место Алёшино, где Алеша Попов сынок стоял, и сотворил Иисусовую молитву; выломил калинову мостовину. Встал добрый молодец, подперся, и вдруг, словно открылась небесная колесница, и летит Змей о двенадцати головах и двенадцати хоботах, ногами топает, глазами хлопает, зубами скрещет и говорит Ивашке со страхом: «О, брат Ивашка, прежде русского духа слыхом не слыхано, видом не видано, а теперь русский дух в очах появляется! Дунь, Ивашка, своим духом, повали лесу на версту, чтобы было нам с тобой где разойтись!» Отвечает ему Ивашка: «Дунь, говорит, ты, проклятый Змей, проклятыми своими челюстями, повали лесу на версту, потому тебе нужно дунуть: я к тебе приехал, гость и спорщик». Дунул Змей своими проклятыми челюстями, повалил духом лесу на версту. Начинают биться и рубиться. Бились, рубились четыре часа ночи. Ивашка сбил с него четыре главы. Змей обращает и улетает назад. Ивашка обращается мушкой и летает во погонь змея, в собственный его дом. В его собственном доме Змеева матушка по горенке погуливала, Ивашку поругивала: «О, курвин сын, прокурвин сын Ивашка, побивает мово дитятку ни за што! Когда поедет он во путь, во дороженьку, сама я ему буду друг, да не вдруг: напущу несколько жару, и захочет он испить. Я сделаю колодец, струб золотой, чару серебряну, воду сахарную. Влезет напиться, а я его затоплю».

Отобравши Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница ее поганые слова, отправляется в свою хижину, на свое место, и ложится на свою постель; а его братцы-товарищи не чувят, спят, и у д.ы пузыри. Рассветало, день-бела заря. До завтрака проспали. Спрашивает же Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница Алешу Попова сынка: «А что, брат Алексей, видел ли чего?» Отвечает тот: «Не видал, брат, никого». – «Ну, знать, брат, счастье твое, что не видал ты никого». (Ну а где он увидит, на постели-то?)

Приходит вторая ночь. Встает добрый молодец Добрынюшка, сын Микитыч, на означенное место, на путь, на дорогу, на караул. Берет свою сбрую ратную и копьё булатное и встает на путь-дорогу, на калиновый мост. Немножечко постоял и крепко больно задремал. Лег ненадолго и сейчас спит. Всеё ночь проспал и никого не видал. А Ивашке Белой Рубашке, Горькому Пьянице во второй раз темная ноченька не спится, а подушечка в головушках вертится. Встал, встряхнулся, на все на четыре стороны оглянулся и

пошел на показанное место посмотреть. Сбруи ратной не имеет и копьё булатного не знает. Встал на пути, на дороге, сотворил Иисусовую молитву, выломил калиновую мостовину и встал, подперся добрый молодец, стоит. Вдруг является лютый Змей со страхом и говорит Ивашке: «Эх, Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница! Дунь, на две версты лесу повали своим духом, чтоб было нам где разойтись». – «Ты дунь, неприятель, своими погаными челюстями, повали лесу на две версты!» Дунул Змей, сделал поля на две версты. И стали биться, рубиться. Бились, рубились еще четыре часа, как вдруг Ивашка размахнулся, смахнул с него враз четыре головы. Обращает лютый змей от него назад. Оборотился Ивашка комариком, полетел за ним в погонь. Прилетает и садится на окошечко в его собственном доме. Змеева мамынька по горенке погуливала, Ивашку поругивала: «Ох, курвин сын, раскурвин сын Ивашка побивает мово дитятку ни за што! Я сама ему буду друг, да не вдруг: как поедет со реки Смородины во путь, во дороженьку, напущу на ихих коней великую тягу, не смогут ног тащить. Сделаю им сад зеленый, траву шелковку; в саду сделаю кровать тесову, подушки пуховы, одеяла шелковы. Они захочут добрых коней покормить и сами отдохнуть, я тут их и задушу».

Отобравши Ивашка ее поганые слова, отправляется в свою хижину, к своим братьям-товарищам. Говорит Ивашка: «Что, добрый молодец Добрынюшка, кого видел?» Отвечает добрый молодец Добрынюшка: «Не видал, брат, никого». – «Ну, брат, счастье вапе, знать, мое будет несчастье». Завечеряло время немножечко. Водочки выпили, чайку покушали. Не доживши ночи спать, пошел Ивашка в путь, во дорожку, на калиновый мост. Встал на калиновом мосту, сотворил Иисусовую молитву, выломил калиновую мостовину и подперся ей. Дрема к нему близко нейдет, и сон его не берет. Тем же часом и временем является лютый Змей с великим шумом и великой бурей и так на Ивашку обращается злобно: «О, говорит, прежде у нас русского духа слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух в устах явится и в глазах мечется! Дунь, Ивашка, своим духом на три версты, распротрани место, чтобы было нам с тобой где разойтись. Живого, говорит, сглотну!» Отвечает ему Ивашка: «Дунь ты своими нечистыми челюстями, на три версты повали лесу! Подавишься!» Змей как дунул, сделал три версты поля. Стали биться, рубиться; бились, рубились четыре часа, и сбил с него Ивашка четыре главы; думал – последняя, а оне все на нем, и Ивашка из сил вышел, и стал ему кориться, и говорит: «Змей, ох, брат лютый Змей! Дай мне с родными распротреться! Приостановись малость!» И Змей крепко изустал, дал ему с родными распротреться. Он не ради с родными распрощенья, а для ради братьев разбужденья. Скинул с левой ноги сапог, насыпал полон песку и кинул в свою хижину; конек с нее сбил: хочется братьев разбудить. Спиб конек: они ничего не чувят. Змей лютый видит – дело обман, опять на него бросается биться. Одна нога у Ивашки обувши, друга боса. Бились, рубились еще четыре часа. Ивашка обессилел и стал прощенья просить: «О, брат лютый Змей, дай мне прощенья и родительского попросить благословенья!» Он не ради благословения, а ради братьев разбуждения. Скидает Ивашка с правой ноги последний свой сапог, насыпает полон песку. Как махнул в свою хижину и потолок долой сшиб, а братья не чувят, спят крепкой рукой. Вдруг лютый Змей обращается

на Ивашку опять. И бились, рубились полторы сутки; Ивашка обессилел, сделался и нагий, и босый и стал просить у лютого Змея покаянья и для детей благословения забшно – не ради детей благословенья, а ради братьев разбужденья. Скинул со своей буйной головы свою богатырскую шляпу, насыпал полную песку и, насыпавши в шляпу песку, бросил в свою хижину, в простенки. Простенки крепко застучали и врозь покатались. Его братья встрепенулись и видят на поляне пламя, и видят, что их брат-товарищ Ивашка Белая Рубашка в несчастье. Взяли свою сбрую ратную и копыя булатные и пошли на подмогу брату своему Ивашке. Пошли добрые молодцы лютого Змея трепать, только стал головой мотать. Не поспет глазами мигать, как его стали головы летать. Главы его порубили и в воду побросали, и жисть его решили. Подходят добры молодцы к своей разваленной хижинке; подошли к ней. Ивашка и говорит своим братьям-товарищам: «Лягте, братцы, усните, а за мной есть делишко». Они с устатку легли, как мертвые покатались. Ивашка оборотился комариком и полетел к Змеевой матушке. Прилетает, а сударыня-матушка по горенке погуливает, Ивашку поругивает: «Ох, курвин сын, раскурвин сын Ивашка, убил мово дитятку ни за што! Я ему солью крест и повызолочу: когда он поедет с реки со Смородины во путь, во дороженьку, обращаю я с сенную копну кошкой, разорву его на пути, на дороге».

Он, отобравши ее поганые слова, отправляется куда ему нужно. Прилетает к своим братьям-товарищам; они спят. Он прилетает и братьев своих разбуждает: «Нёколи нам спать, а поедемте во путь, во дороженьку домой». Они вставали, добрых коней седлали; оседлавши добрых коней, поехали домой. И сделался превеликий ужасный жар, и Алеша Попов сынок захотел пить, на коне не может сидеть и говорит: «Ох, братцы-товарищи! Пить хочу, слов говорить не могу!» Вдруг колодец является, Алексей с коня бросается и говорит своим братьям-товарищам: «Ох, братцы-товарищи, постойте, напьемся!» Говорит Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница: «Что ты, Алеша Попов сынок, дурьей родни жеребеночек, с коня бросаешься, глюхтить торопишься? Сам я прежде слезу со добр коня и протведаю, какова вода». Слезает Ивашка с добр коня, оголил свою саблю вострую и учал колодец рубить. Струбец расколел и воду завалил, и течет из него кровь и кость. И говорит Ивашка: «Вот, Алешенька Попов сынок, вот тут какая вода!» Сели на добрых коней и поехали.

Ехали долго ли, много ли, и напала превеликая тягость на коней. Коня не могут ног тащить, и Алешенька Попов сынок не может на коне сидеть: крепко спать хочет. Является сад зеленый и трава шелкова (облажняет). И говорит Алеша Попов сынок: «Ох, братцы-товарищи! Утеха-то какая – трава-то шелковая! Коней-то хорошо покормить, и нам хорошо на кровати отдохнуть». Отвечает ему Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница: «Постой, брат Алексей, я слезу с добр коня, посмотрю, какова кровать и можно ли на ней спать». Слезает Ивашка со добр коня, оголил свою саблю вострую, восходит в зеленый сад, подходит к тесовой кровати. Стал рубить – только кровь да кости. Изрубил и в кучу покчал, и поехали путем-дорогой.

Много ли, мало ли ехали, долг ли, коротк ли, и приходят три дороги, и говорит Ивашка Белая Рубашка своим братцам-товарищам: «Вот, братцы, нам приходит расставанье. Давайте кони'ться, кому по кото-

рой дороге ехать будет». Стали кони'ться – Алеше досталось вправо; доброму молодцу Добрынюшке, сыну Микитычу – влево; несчастному Ивашке Белой Рубашке, Горькому Пьянице – прямо. Он с братьями распрощался, горькими слезами заливался. Распростились, поехали, кто куда знает. Вдруг Ивашка обернулся назад; и бежит за ним кошка с сенную копну, как сильный вихор, и кричит громким голосом: «Ох, Ивашка, топерича догоню, не упусти – разорву!» Видит Ивашка – дело плохо; слезает со добр коня, расседывает и бросает черкасское седло. Чуть поспел сесть на добр коня, и разломала она черкасское седло, изгрызла, все съела. Он опять ускакал шибким бегом. Она же седло изорвала и опять его догнала. Он слез со добр коня, ударился бежать. Она начинает его доброго коня рвать. Изорвала, мясо сожрала, кости в кучу покчала и опять за ним в погонь погнала. Он бежит, что ни оглянется, бегу ногами прибавляется. И вдруг на его пути является кузница. В кузнице дверь железна запирается. В этой кузнице двенадцать кузнецов, добрых молодцев. Они куют, припаковывают; речь говорят, приговаривают. Он подбегает к кузнице со слезами, просится к ним: «Господа кузнецы, отверзите двери от кузницы, пустите меня, отведите от злой смерти! Поедает меня кошка с сенную копну!» Кузнецы двери отворили, он тудымырнул. Она только за одежду не успела схватить. Заперли его в кузнице, и бегаеет кошка вокруг нее с превеликим шумом и говорит: «О господа кузнецы, отдайте мово н друга!» Они говорят на ответ ей: «Прогрызи нашу железную дверь и явись к нам в кузницу – отдадим тогда тебе н друга!» Начала она грызть – одним часом прогрызла в рост свой дыру. Поколе она время продолжала, дверь прогрызала, они же, все двенадцать молодцов, положили двенадцатеро клещи в горны. Является она в кузницу; взяли они ее в руки, горячими клещами ее сжали и на наковальню клали, в двенадцать молотов ее били; за Ивашку застояли и сделали для Ивашки из ней добр коня, и сажали Ивашку на добр коня, и послали ехать круг своей кузницы: «Если этот конь объедет все четыре стороны, то может тебе в веки служить». Он же на коня не сажается, больше его опасается: сделан конь из несчастного человека, и из злобного, и из страшного, из немилостивого. Вдруг обдумал Ивашка своей буйной головой: «А скоро жив, в руки не дамся!» Сел на добр коня и поехал. Объехал две стороны – конь развалился. Является к кузнецам в кузницу: «Так и так, конь развалился!» Господа кузнецы, добры молодцы, нагревают двенадцатеро клещи, берут злодейку во огненные клещи, выбивают из нее добр коня для Ивашки, чтобы он мог Ивашке Белой Рубашке, Горькому Пьянице в веки служить. Чище того сделали добр коня – ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Сел Ивашка на добр коня, объехал круг четырехгранной кузницы, аки птица. Выходят двенадцать кузнецов, добрых молодцов, проздравляют Ивашку с конем: «Что, Ивашка Белая Рубашка, ты же был Горький Пьяница! В последнем кабаке зря валяешься, а нынче на дикй степе помыкаешься? Что, стоит ли конь того старого коня?» – «Благодарю, господа кузнецы, этот конь стоит того коня и может мне вовек служить. Затем, господа кузнецы, прощайте!» Отвечают кузнецы: «Можешь, Ивашка, отправиться, а на коне-то да пропадешь?» Подхватил слово Ивашка неладное, обращается назад к кузнецам: «Что, господа кузнецы, научите глупого на разум». – «А то, говорят, Ивашка Белая Рубашка, ты же был Горький

Пьяница, не хвались в пир идучи, а хвались из пиру. Поедешь путем-дорогой, кажному кланяйся, догонишь: «Мир дорогой, добрый человек»; кто при дороге работает: «Бог на помочь» – сказывай и старику, и доброму молодцу, и баушке, и молодежи; придется сказать красной девице, и ей скажи». – «Слушаю, господа кузнецы, приказанье ваше!» Ударил доброго коня по крутым бедрам – только его кузнецы и видали. Улетел, как млад ясен сокол. Под ним его добрый конь горы-долы перепрыгивает, темные леса между ног пускает, большие дороги хвостом застилает. И проехал, и многое множество и несколько людей перегонял, и сказывал: «Мир дорогой», – встречающим кланялся. При большой дороге красная девица жнет пошеницу. Космы ее по плечам лежат, сопли ее на губах лежат. Нужно Ивашке Белой Рубашке сказать ей: «Бог на помочь!» Его сердце к ней не обращается. «Что же я, славуший, сильный могучий богатырь, мало со мной спорщиков, и неужели же, говорит, я этакой соплюхи не стою? Не скажу ей: «Бог на помочь!»» И поехал мимо ее. Не больше отъехал расстояние трех сажень, красная девица закричала громким голосом: «Ох, Ивашка Белая Рубашка, ты же Горький Пьяница, кузнецов наказ не исполняешь!» (Она угадала, что те наказывали Ивашке.) Услыхал Ивашка красной девицы голос, что она говорит справедливо, обращается Ивашка на своем на добром коне к красной девице, слезает со своо доброго коня и сказывает: «Бог тебе на помочь, красная девица! Прости меня Христа ради! Не исполнил я кузнецов наказ!» Главу ее повязал, сопли платком утирал, во сахарные уста ее целовал. «Прости Христа ради, красная девица!» Отвечает красная девица ему: «Просящего Бог прощает, и я тебя прощаю, а не надо бы так тебе делать. Ну поезжай с Богом, куды ты вздумал. Попадется тебе царь Дорода на одной ноге, одна нога короче. Он стоит и повертывается, кто бы ни проехал на коне, того дожидается; он же на одной ноге в перегон с конем сбирается. Ты с ним не езд. Он положит в бег в течение расстояния не дальше двадцати пяти верст, кто кого перегонит. Если ты его перегонишь – ты с него голову долой; если он тебя – ты будешь его. Ну, можете с Богом ехать!» – «Затем прощайте, красная девица, благодарим вас за ваше неоставление!» И поехал в путь-дорогу. Едет путем-дорогой, и стоит царь Дорода – висит одна нога короче; кругом повертывается, с Ивашкой здоровается: «Здравствуй, Ивашка Белая Рубашка и Горький Пьяница! От дела лыташь или дело пыташь? Куда путь держишь?» – «От дела не лытаю, а больше себе дело пытаю. Путь держу, куды Бог приведет». – «Я тебя не пропущу! Давай поиграем в перегон!» Ивашка был сердит, крепко горяч; посмотрел и думает себе: «Может ли он меня на таком коне перегнать? Он старик, чуть может на одной ноге стоять...» Согласился Ивашка с ним в перегон поиграть. Они с ним побежали. Не больше Ивашка проскакал двенадцати с половиной верст. Царь Дорода с ним вместе побежал, двадцать пять верст убежал и на двадцати верстах ему встречу повиделся; забрал Ивашку в свое жительство, и приводит его царь Дорода в свой дом, а его дом был огорожен железным тыном, и на каждой тычинке круг дому человечьи головы, а на одной нет. И сказал царь Дороды: «На этой тычинке быть твоей главе! Ну, я с тебя зря ее не сыму, я задам тебе разные задачи». У царя же Дороды была вторая жена, из Ягих Баб; было у царя

Дороды двенадцать дочерей: одиннадцать от этой матери, а двенадцатая, большая самая, была от первой жены. И было у них, у двенадцати дочерей, у каждой своя келья. Вот же царь Дорда и говорит Ивашке: «Вот я тебя, Ивашка, запроу в эту темницу. У меня есть двенадцать дочерей и двенадцать у них комнат; одиннадцать от этой жены, а одна от первой. Я тебе завтра выстрою их подряд всех. Если ты можешь узнать, которая у меня дочь от первой жены, тогда главу с тебя не сымаю, домом тебя наделяю; а не узнашь – голову с тебя долой». А где же Ивашке узнать? Он отроду их не видал. Запер Ивашку в темницу, запер его замками, завалил его камнями. Как глухая полночь приходит, подходит к двери его же большая дочь, от прежней его жены, и стучит тихим стуком: «Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница, что ты горько плачешь?» – «Ой еси, красная девица, как мне не плакать? Последнюю я ночь ночую на вольном свете». Отвечает ему красная девица: «Что на что и тебя за что?» – «Вот что приказал ваш-то тятенька: есть у него двенадцать дочерей, одиннадцать от молодой жены, а одна от старой жены, и хотел он мне их наутро вывести, а я их совсем не знаю». Отвечает она ему: «Ложись с Богом, спи, я придам тебе разуму. Он нас нарядит в одну одёжу; мы все равны: под один голос и под один волос, под одну черную бровь. Он меня поставит с правого боку, крайну. Прямо за меня и берись, а если он у тебя вырвет меня и скажет: «Девки, перебеги!», и они перебегут; напослед того он опять расставит и поставит меня с левого боку, от края другою, то смотри – держи крепко. Если опять отнимет, не узнаю, где поставит».

Он же лег, молодец, спать не спит, свету дожидается и к смерти собирается. Поутру встает ранёхонько, умывается горькими слезами белёхонько, печалью утирается, н смерть собирается. Является к нему н друг царь Дорда, расставил дочерей по порядку, подводит его к ним и говорит: «Ты же, Ивашка Белая Рубашка, Горький Пьяница, по чист му полю зря шатаешься, вот тебе задача. Не желаю с тебя голову снять, желаю тебе задачу дать. Хочу тебя оброчить. Вот тебе двенадцать дочерей; узнай, которая дочь после той жены. Если узнашь – будет твоя обручённая жена, а не узнашь – голову с тебя долой». Ивашка тот час был больно нев сел, буйную свою голову повесил ниже могучиих своих плеч: ко злодею в руки попал. Подумал, подумал Ивашка: «Двух смертей не бывать, а одной не миновать! Что моей голове будет? Дай ее наказ исправлю». И брался Ивашка за красную девицу с правого боку, за крайну. Царь Дорода видит – дело неладно; из рук ее отымает, в кучу ее толкает. Сказал царь Дороды: «Девки! Смешаться!» Одна за одну, друг за друга, склубились и кучей сделались. Прозевал Ивашка. Он у него суженую из рук отнял, опять всех подряд расставил. «Ну, теперь же, Ивашка, узнай!» Ивашка кругом обошел, подумал со своей с буйной головой. «Ах, да ну, – сказал Ивашка, – попытка не шутка, а спрос-то не беда ведь? Да-ка еще раз попытаю!» Смелым своём шагом с левого фл ну и цопнул вторую девицу, и прижал крепко ее к себе. Царь Дорда видит – дело плохо: жив в руки Ивашка не дается. Стал Дороды ее рвать и стал крепко отымать. Он – за девицу, девица – за молодца. И говорит девица: «Будет, тятенька, пыграл раз, а начни-ка снова!» Царь Дороды и говорит: «Наутро задачу задаю. Девки, по избам!» Девки разошлись по избам, и повел царь

Дорода Ивашку в то же темницу, где он ночь провел, и сказал ему: «Узнай – которая ее комната» (а она все подряд) – и запер его замками.

Приходит царь Дор да ко своей жене и говорит: «Узнал». Сердитым, грубым взглядом она глядела и говорит ему: «Где бы ему узнать? Ее б...я мудрость!» И спрашивает его Ягая Баба, его жена, ее мачеха: «Чт ты еще ему задал?» Отвечает ей царь Дорода: «Узнать ее комнату». – «Ну, да ладно», – сказала жена.

Сидит Ивашка в темной темнице, не пимши, не емши. Поплакал, заплакал и с горя песенки запел. Приходит к Ивашке глухая полуночь, и такая на Ивашку грусть напала, опять горько заплакал. «Полуночные звезды, говорит, приходят, новые звезды к свету начинают, я же, добрый молодец, смерти ожидаю!» Скоро является к нему нареченная невеста, постучала в двери: «Ивашка! Отверзь мне двери!» – «Не могу отверзить двери: заперты». Она же пиннула ногой, и двери отперлись, и замки к черту убралась. Взошла, Богу помолилась, Ивашке поклонилась: «Здравствуй, милый мой нареченный жених! Что горько плачешь?» – «Как мне, горькому, не плакать! Я свету ожидаю, и смерть бли`жится». – «Ложись, спи до светл, не придет к тебе беда. Скажи, чт тебе тятенька приказал?» Отвечает Ивашка красной девице: «А вот чт он мне сказал: затопите вы свои все хаты вместе, узнать, которая твоя». Вот девица и говорит: «Ложись с Богом, спи, научу, как дело сделать. Как мы печки затопим, изо всех труб повалит дым столбом, а из моей трубы пойдет вожжой. Тут и иди!» – «Хорошо». Ночь прошла, приходит свет. Идет царь Дорода, запоры не попорчены. Красная девица сама отперла и опять его заперла. (Не мог он этого дела знать, что она у него была.) К нему в темную темницу приходит, на вольный свет его выводит. И сказал ему царь Дор: «Узнай, которая твоей невесты келья!» Кельи все, как одна, подряд стоят. Он смотрит: изо всех дым валит столбом, а из одной – вожжой. Подумал же Ивашка: «Первый раз, говорит, не обманула, а попытка не шутка. Да-ка пойду тут, где велела». Взошел Ивашка, Богу помолился, красной девице поклонился и говорит Ивашка: «Чт, тятенька, тут ли зашел?» – «Тут, говорит, нареченный зять». Отправляется царь Дорода к своей жене, рассказывает, что узнал. Отвечает ему жена: «Это не он узнал, а она узнала, она ему сказала». Велела ему Ягая Баба различить его с ней, запереть его опять в темну темницу. Ви`хем во дворе был выпротёк речки на десяти сажнях. Вздумала его жена: «Дай ему задачу, чтобы он на той стороне выстроил церковь круг одной ночи, чтобы было их где обвенчать».

Приходит царь Дорода к ним в комнату. «Ну, пойдем, говорит, нареченный зять, в темницу. Задам я тебе большую задачу. Найми рабочих и плотников, чтобы круг ночи на этом острове была церковь устроена, было бы нам где тебя обвенчать». Ивашка Белая Рубашка говорит ему: «Сделаю, говорит, тятенька!» Научила его нареченная невеста и сказала: «Ложись с Богом, спи! Церковь будет готова!» Он спать не спит, в окошечко смотрит. Крик, превеликий зык, стукотня – приехали мастера, плотники и живописцы, церковь сделали круг ночи и иконы написали. Она на заряночке приходит, его обручевная жена, темную темницу расперл и говорит Ивашке: «Переезжай, Ивашка, на лодке, прибывай п лочки; я тятеньке отвечу, кто тебя выпустил». Приходит же царь Дорода к Ивашке, хват – в темной темнице Ивашки нет. Ивашка в церкви. Приходит в церковь, осмотрел: отлично, хорошо. Ну,

царь Дорода по головке его погладил и не спросил, кто его отпер. Приходит царь Дорода к своей жене и рассказывает, что удивленье, «какую у нас на острове нам зять церковь соорстил». Эта же ее мачеха головой помотала, б...ю ее поругала: «Ох-ох-охо-охо! Это ее б...и мудрости! Ну, еще скажи, чтобы он завтра сделал мост через реку. В темницу не запирай, оставь его с ней». Приходит царь Дорода к нареченному зятю, называет царь Дор да: «Нареченный мой зять! Устрой круг ночи мост, чтобы где было тебе проехать к церкви, тебя обвенчать». Сказал ему Ивашка: «Будет, тятенька, готов; корми коней!» (А куда ехать? Будет только пешком пройти.) Приходит Ивашка к своей нареченной невесте, спрашивает его она: «Что сказал тебе тятенька?» Отвечает Ивашка ей: «С страхом тятенька сказал через эту речку сделать мост, круг ночи, где бы нам с тобой в церковь завтра пройти венчаться». Сказала ему нареченная невеста: «Ложись с Богом, спи, все будет дело исправно». – «Ну, да хорошо же». Лег Ивашка, спит и у д...ы пузыри. Слушает ночным быгом Ивашка: кто кричит «Тпру!»; кто кричит «Но!» Везут лес на сваи, на огнивы и на мостовинки. Лесу навезли, стали работ ть. Зорька занялась – мост готовый. Рассветало, вышел Ивашка с топориком, постукивает, перилки приколачивает. Приходит царь Дор да, только ахнул: «Ах, да и будет! Я мудрен; он мудреней меня!» У царя Дорбды не пиво варить, не вино курить. Не спрося никого, сам их обвенчал и жить их заставлял.

Посылает наутро к ним в дом ее мачеха свою родную дочь: «Дочь моя мила, дочь моя разумна, поди сходи к зятю, скажи, чтобы исправили мне обед: проздравить их с законным браком я приду». Приходит к ним ее неродная сестра, проздравляет. «Здравствуй, – говорит, – сестрица! Ты, – говорит, – нажила себе мужа, а мы не наживем во веки веков. Приказала, – говорит, – вам ма-мынька постряпать». «Хорошо, – говорит, – скажи ей: будет готово». Посылает ее венчанная дочь Ивашку: «Иди, Ивашка, на скотный двор, поймай нет лучшего барана и тащи ко мне». Пошел же Ивашка, поймал барана, принес домой. Они прямо его в печь неснятого и положили. Приходит к ним мачеха. Пришла с сердцем: «Дай мне, б...ь, есть!» А она Ивашку оборотила иголкой и сунула в стену, чтобы мачеха не видала; за стол ее сажала, барана на стол вынимала. Она стала жрать, стала живком глотать, всего съела, в полсьти не наелась. Сочила из-за стола и давай из стен мох тереть, его искать (съесть хотела). Только бы его захватить, дочь-то и говорит: «Мамынька! Ты мох-то вытеребишь, у меня келья-то студена будет». Сказала ей мать: «Ну добро же, б...ь!»

Призывает наутро мать вторую – родную дочь: «Поди же, иди да скажи зятевой дочери, как можно исправили бы мне обед». Приходит к ним дочь и неродная ее сестра. «Вот, – рассказывает, – исправьте, сестрица, мамыньке обед». – «Скажи, сестрица, что будет готово». Пошла молодая и сказала мужу Ивашке: «Принеси поди быка, пймай его за рога и веди его сюда». Ивашка пымал нет лучшего быка и обратал его за рога; кусками его изрубил и в печку положил. Положили и закрыли его крышкой. Является к ним гостя, неродная ее мать, и стала ее б...ю звать: «Дай обедать!» Обедать она ей собрала, а мужа своего Ивашку прибрала: оборотила угольком и положила в горнушку. Стала мачеха быка жрать, мослы в окошко кидать; всего сожрала и сыта не была. Сыта не была, сочила из-за стола и стала из горнушки жар хватать, только искры посыпались. Жар хватает и в кадк его кидает.

И вот-вот только бы Ивашку сохватить и живком его сглотить, дочь и говорит: «Ох, мамынька, оставь-ка мне один уголек, чем будет мне завтра придуть огонек?» Она крепко на нее осерчала и из комнаты убежала. Дочь уголек из горнушки вынимала, духом его обдувала; из этого уголька Ивашку сработала и говорит: «Ох, милый мой друг Ивашка, нам с тобой здесь не житье. Айда-ка лучше отправимся бежать куда глаза глядят». Вот хорошо.

Ивашка согласился на ее слова, и ударились бежать. Вдруг их хватились, что в доме их нет. Посылает неродная мать большую свою дочь их догнать. Села дочь в железную ступу и начала железным пестом погонять: «Ох, да!» И сказала: «Глон голон голыгач!» Молодица учуяла, что земля дрожит, и говорит своему мужу Ивашке: «Гонят за нами в погоню. Припаду я к сырой земле – узнаю, кто гонит». Припала к сырой земле и говорит Ивашке: «Гонит, да только сестра». Махнула же она, молодница, левой рукой: сделала огромный лес, и не пролезет ее железный пест. Оборотилась дочь назад и говорит матери, что некуда ехать: темный лес. Посылает Ягая Баба своо мужа, царя Дороду. Ох же царь Дорода затопилися, как м лонья, живой рукой хочет догнать, ее отнять. У молодницы сердце закипело и говорит она Ивашке: «Ох, Ивашка, гонят в погоню! Больно земля колухается, сам батюшка скачет. Ну да, – говорит, – страшен сон, да милостлив Бог!» Попросила Бога, махнула правой рукой; его оборотила ц рковой, а сама – дьячком. Царь Дорода вошел в церковь и говорит: «Здравствуй, дьячок!» – «Здравствуй, царь Дорода!» – «Чт я тебя хочу спросить». «Спроси, – говорит дьячок, – отвечу». – «Не видал ли молодца с молодницей? Не проходили ли тут?» Дьячок говорит: «Третий год служу – не видал никого». Обращается царь Дорода назад, прибегает к жене. Спрашивает его жена: «Что ты, где был? Далеко ли бежал? Кого видал?» «Я, – говорит царь Дор да, – далеко бежал, никого не видал, только видел церковь и дьячка». Сказала ему жена: «Ох, безумная старая твоя голова! Дьячок-от – она, а ц ркова-то – зять. Не умел ты их взять! Дайте-ка мою железную ступу!» И стала пестом погонять, по три версты один прыжок давать, и хочется больно их догнать. Шибким громом, с вихорем полетела и хвостом завертела. И учуяла ее дочь – земля поколыбалась, и говорит молодница Ивашке: «Ну, Ивашка, подумать надо: гонит сама матушка!» Села, подумала. Топнула своими резвыми ногами – разлилось большое молочное озеро. Махнула правой рукой – сделала берега кисельные; оборотила Ивашку сележк м, а сама стала уточкой. И плавают по молочному озеру, киселек похл бывают, молочко прихл бывают. Подскакала их злодейка и сказала: «О, я вижу, б...ь, твое мудрости! Теперь я с тобой не расстанусь! Киселя наемся, молока напьюсь!» Кисель жрет, молоко пьет – озеро убывает. Они всхлопнут крылышками, полетят и сядут на озеро, поцелуются и врозь поплывут, Ягую Бабу поддразнивают. И говорит ей Ягая Баба: «О, б...ь, не дразни! Озеро высушу, и кисель съем, и вас разорву!» Молока напилась и киселя наелась – тут ее и р зорвало. Я там был да мед, пиво пил; по усу текло, в рот не попало. Дали мне синь кафтан, а мне послышалось: скинь кафтан! Скинул да на кустике и повесил, и топерь там висит. А Ивашка стал жить да поживать, да добра наживать, а худо-то проживать. Со спины-то стали горбатеть, а спереди-то стали стали.

УМА МНОГО, А ДЕНЕГ НЕТ

Ходил парень по базару да и говорит: «У меня ума много, только денег нет». А навстречу ему купец-старичок. «Ты что, братец, ходишь?» – «Да вот что: в голове у меня ума несколько, только денег нет, а то я своим умом мог бы не знай что сработать!» Купец и говорит: «У меня именья много, именьем повелевать некому: стар. Что же, братец, коли у тебя ума много – не пойдешь ли ко мне в зятя?» «Можно», – говорит. Повенчал купец парня на своей дочери. Зять и просит у тестя тридцать рублей денег – торговать. Тесть выдал ему деньги, пошел он на базар и купил все дрова и гонит их к оврагу сваливать. Приказчики прочие смеются: «Ну нажил себе старик зятя! Ума много: дрова в овраг валит!» Купец-тесть и говорит им: «А что вам за дело? Деньги он не ваши тратит, а мои». Зять подходит к тестю, опять тридцать рублей просит. Тесть опять выдает. Купил зять на эти деньги еще дров и опять в овраг свалил. В третий раз опять зять тридцать рублей просит. Тесть и в этот раз дал. «Топерь, батюшка, дайте мне десять рублей на небольшую потребность!» Он и десять выдал.

На эти десять рублей нанял зять работников двадцать пять человек и повел их к оврагу, где дрова. «Ну, братцы, соберите мне эти дрова в кучу и потом зажгите!» Они дрова сожгли и золу в кучу смели, оправили. Прочие купцы нагрузили барки хлебом в иные земли, а купеческий сын подогнал барку к оврагу золы нагружать. Приказчики опять смеются над ним: «Там золы-то, видно, нет, в чужеземных-то землях!» Поехали они с хлебом в нерусское королевство, а этот с золой. Приезжают. Купцы навязали казать королю узлы хлеба, а он – узел золы. Которы хлеб-то привезли, сменяли его на товары. Нерусский король говорит: «Вот что, нет ли у вас такого человека? У нас из моря выходит змей трехглавый; не победит ли кто его?» Купцов зять взялся его победить; спросил двадцать пять человек работников и семь лошадей. «Где же, – спрашивает, – змей в город всходит, по какой дороге?» Он (царь) ему показал дорогу. Купцов зять и говорит: «Ну, братцы-работники, выгружайте на дорогу мою золу, а вы водой поливайте, на лошадях ее возите!» Только они третью долю золы выгрузили, выходит змей из моря. Прошел он по золе сто сажень и задохнулся, и зачал дрягаться, бот ться и из себя зачал рыгать, и вырыгал из себя драгоценный камень. Купцов зять отсек ему одною голову и живого в море пустил. Работникам на прогул денег дал и говорит им: «Братцы-товарищи, завтра опять та же работа будет».

На другое утро то же сделали, что вчера. Только что выгрузили золы и полили дорогу, змей во второй раз вышел, зачал бота ться, дрягаться и вырыгал из себя другой драгоценный камень. Зять взял камни в карман, ссек ему вторую голову и отпустил в море живого. «Завтра, братцы, – говорит работникам, – выгрузите всю золу из судна». Наутро они все это сделали. Змей в третий раз недалеко от берега прошел, зачал ботаться, дрягаться и третий камень вырыгал. Зять купцов ссек ему остальную голову, камень себе взял. Доложил нерусскому королю, что змея победил. За эту службу король выдал ему пудовку золота. Он и говорит: «Ваше королевство! Мне твое золото не нужно! Дайте мне столько же работников судно калеными кирпичами нагрузить!» Приказчики насмеваются,

что он денег не берет. «Дурак, – говорят, – чистый!» Товарищи его нагрузили красных товаров, а он – каленых кирпичей, и отправились они в свое жительство. Доехали до половины пути. У купцова зятя стало с кирпичами судно тонуть. Он и просит товарищей: «Облегчите судно! Возьмите по сотенке!» Они взяли. Его судно пошло легко. Ехали еще несколько времени. Приказчики для смеху кирпичи в воду покидали. Приехали в свой град и пошли губернатору товары казать; а купеческий зять взял расколол драгоценный камень на три части, врезал в каленые кирпичи, завязал в платок и понес тоже губернатору казать. Пришел под сумерки, развернул платок, и осияло у него в палатах, ровно двенадцать свеч. И он этому делу ужасился. Говорит купеческий зять губернатору: «Я вот таких кирпичей привез целое судно, а оно у меня чуть не потонуло. Просил я своих товарищей меня облегчить, а они надсмеялись и покидали все мои кирпичи в воду». Губернатор и говорит ему: «Все ли такие?» – «Все, ваше превосходительство». – «Ну-ка принеси еще!» Он пошел и во второй раз принес. «Принеси-ка в третий раз!» Он и в третий принес. Губернатор поверил. «Ну что же мне, ваше превосходительство, с товарищами делать? Ведь они мне изъян сделали. Вещи эти дорогие». «Точно, – говорит губернатор, – их на свете мало. Вот что: отбери у них все именье и возьми себе!» И отобрали по его приказу все именье купцова зятю.

ФОМА БОГАТЫЙ

Жил-был Фома Богатый: ни скинуть, ни надеть у него не было, а постлать не заводил. Приходит к нему Лиса. «Что ты, Фома Богатый, чай, тебе жениться хочется?» «Когда не хотеться, да у меня, – говорит, – только кот да кобель; кто за меня пойдет?» «Я у купца, – говорит Лиса, – дочь усватаю!» Вот Лиса невесту сватать полетела и хвостом завертела. А по описи он был Фома Богатый, славуший. Купец позавидовал богатству, захотел жениха поглядеть; а он оброс, как шут. Лиса и говорит Фоме Богатому: «Ах, Фома, надо тебя обмыть и волосы на тебе подстричь, ехать невесту глядеть». – «А в чем я поеду глядеть-то?» (Он весь тут раздевши.) Лиса говорит: «Надейся на меня! Я тебя одену! Побегу базаром, а ты в лавках одежду цоп да цоп». Вот Лисица, красная девица, базаром полетела, только хвостиком завертела; а Фома Богатый в одной лавке сюртучок сцопал, в другой – картузик слизал; в третью лавку забежал, сапожки со скрипом достал. «Ну, – говорит, – спасибо, Лиса, топерь можно и свадьбу заводить». Поехали глядеть невесту. Был он бедняк, а лицом был хорошеви'т: губы по осметку, а нос, как башмак. Посмотри'ли невесту; жених невесте показался, а жениху невеста показалась. У купца не пиво варить и не вино курить, сейчас да и за свадьбу. Сегодня их обвенчали, а завтра к Фоме помчали. А у Фомы ни кола, ни двора. Собирал купец своих родных к Фоме Богатому погулять, дом его, именье посмотреть. Лиса нахвалила, что у него пять табунов: есть табун конный, есть табун рогатый, есть стадо овечье, да стадо гуси'но, да есть стадо пьи'но, да есть стадо кури'но. Вот поехали. А в селенье, где Фома жил, жили Змей Горыныч со Змеей Горыновной. Эти стада были и'хи, а Лиса нахвастала, что они Фомы Богатого. Горные идут горновать, а Лиса к Змею Горынычу

побежала и к Змее Горыновне, велела им из дому убираться. «Едет к вам в дом Царь Гром и Царица Молонья! Царь убьет, а Царица сожжет!» Змей со Змеей отвечают: «А куды же нам деваться?» – «Лезьте в гнилую колоду!» Змей Горыныч и Змея Горыновна убрались, а Лисынька в чисто поле полетела. Подбегает к конным пастухам: «Пастушки'-дружки', чье конное стадо пасете?» – «Змея Горыныча и Змеи Горыновны». – «Ох вы, пастушки'-дружки', не говорите так! Говорите: Фомы, мол, Богатого: едет царь Гром и царица Молонья', Царь убьет, а Царица спалит!» Побежала к коровьим пастухам: «Пастушки'-дружки', чье коровье стадо пасете?» – «Змея Горыныча и Змеи Горыновны». – «Ох вы, пастушки'-дружки', не говорите так. Говорите, что Фомы Богатого! Едет Царь Гром и Царица Молонья', Царь убьет, а Царица спалит!»

Вот едет купец и доехал до конного-то стада: «Чье стадо?» – «Фомы Богатого». Доезжает до коровьего стада, спрашивает: «Чье?» – «Фомы Богатого». Приехал купец с гостями в огромный дом, где Змей Горыныч со Змеей Горыновной жил, и стал пить, гулять. Напились все хмельные, пошли п двору. Лиса подвела их к колоде и говорит: «Нельзя ли эту колоду расстрелять?» Вот они колоду расстреляли и Змея Горыныча со Змеей Горыновной убили. Все именье Фоме Богатому досталось. Поехали горные домой, а Фома стал жить да поживать, все стада стал себе загонять и огромный сделался богачей. Прошла свадьба; приходит Лиса. «Дома ли Фома Богатый?» – «Дома». – «Я тебя, Фома, женила, я тебя домом наделила. Дай мне овечку!» Дал он ей овечку. Наутро Лиса опять идет. «Дома Фома Богатый?» – «Дома». – «Я тебя, Фома, женила, я тебя домом наделила. Дай мне гуська!» Он ей гуська дал. Лиса зачала каждый день ходить, доняла его всем. Фома и говорит: «Чай, будет, Лиса, ходить. Я не буду тебя ничем дарить. Ну-ка, Серка, держи ее!» Серка и полетел за Лисой. Не поспела только поймать – Лиса ширк в нору и сидит. Серка – у норы и глядит в нее. Лиса и спрашивает: «Глазыньки, вы чт делали?» – «Глядели, как бы н ру нам увидеть, Лисыньку бы собаке не пымать». – «А вы, ноженьки, что делали?» – «А мы бежали, чтобы Лису собаки не догнали». – «А ты, хвостик, что делал?» – «А я по полу тащи'лся (грубо так оговоит), чтобы собаки Лису догнали и пымали». – «Ах, ты, пес, лисий хвост! Вот взять да тебя собакам отдать!» Взяла да и высунула в нору-то и говорит: «А нате вам, собаки, вам лисий хвост». Серка за хвост цоп и разорвал Лису. Фома Богатый стал себе жить да поживать, худо проживать, а добро наживать.

ЕЛОВЫЕ ШИШКИ

Жили-были два брата: один богатый, другой бедный. Богатый брат свиной покупал, свиной торговал, возил в Москву и большие барыши получал. Пришлось раз – повез свинину, и нипочем не берут. Привез её всю назад. У богатого брата было три сына. Приехал он из Москвы, дети спрашивают:

– Что, как, батюшка, дела-то?

– Свинына, – говорит, – нынче, робята, нипочем! А этого торговца-мясника сам царь знал.

Вот наутро бедный брат приходит к богатому и спрашивает его:

– Что слышно в Москве?

– Ничего не слышать, – сердито таково ему брат отвечает.

– А почему, брат, свинина?

– Свинина ни почему.

– А что же в Москве дорогого?

И сказал брат ему на смех.

– Елевы шишки в Москве больно дороги!

Бедный брат приходит домой и говорит хозяйке своей:

– Хозяйка, свинина, брат сказывают, в Москве ни почему, а елевы шишки больно дороги. Айда возок наберем!

А они от Москвы жили в двадцати верстах. Поехали в лес и набрали воз.

Он был бедный: поехал в Москву – совсем разведши, что я же. Приехал в нее утром, и так холодно! Стоит, весь посинел, с шишками на базаре. Никто не подходит и не торгует, потому брат на смех сказал. Вот идет базаром сам царь – посмотреть, что на базаре есть, и говорит:

– Мужичок, что это ты привез?

– Елевы шишки.

– А почему их продаешь?

– Никто не торгует.

– На что же ты их привез?

– Да меня брат смутил.

– Кто тебе брат?

– Вот такой-то, – говорит. – Был здесь с свиной, свинину не продал, всю домой привез. Я спросил:

– Почему свинина в Москве? Он сказал:

– Ни почему, а шишки елевы дороги.

Царь и говорит:

– Я твоего брата хорошо знаю. Ну погоди, шишки ты все распродашь. Мотри, продавай по рублю за шишку! В час все у тебя разберут.

Приезжает царь домой послал по всем господам, и купцам, и богатым мужикам, чтобы все шли к царю в гости и каждый бы нес елеву шишку. Приказ получили и думают, где шишки взять? Один другому рассказывают:

– А вот тебе: на базаре их воз стоит.

Побежали на базар, весь воз расхватили. Полны сани мужик денег наклал. Приходят все к царю и приносят шишки. Шишки он принимает и в чехаус их валит (не надо никуда).

Вот мужичок шишечки продал, пошел полшубочек купил, зашел стаканчик водочки выпил, сел да и домой поехал. Приехал домой, встречает его жена и спрашивает:

– Что, старик, как дела?

– Слава Богу, хозяйка, рубль за шишку взял. Теперь казны привез – детям не прожить!

А богатый брат в дырочку слушат да и кричит его:

– Подь-ка сюда! Что, как твои шишки?

– Рубль за шишку, – говорит, – взял!

Тот побежал к своим детям, запрягли трех лошадей, поехали, набрали три воза. Приехали в Москву с шишками, стали на базаре, стоят. Прежде вся Москва знала, что он свиной торговал, и говорят ему:

– Что ты дерьма-то вывез? Что свиной не привез?

– Свинина, – говорит, – ни почему, очень шишки здесь дороги; брат за рубль шишку продавал!

Идет сам царь и подходит к нему:

– Нету, нынче, ваше царское величество, шишки здесь дороги...

Царь только головкой помотал и пошел домой. Послал царь на базар двоих казаков с плетями и велел всыпать приезжим трем мужикам по сотне каждому за то, чтобы дерьма в город не возили. Казаки приехали на базар и начали богатого брата лупить плетями. Так его отдули – чуть живого пустили и шишки все раскидали. Приехал домой весь избитый, как пес, и так брата ругает! А брат говорит:

– А черт ли тебе велел? Ты бы г...м не торговал, а свинину бы продавал!

С тем и кончилось.

ПЕТУХ И БОБОК

Жил-был старик со старухой; петушок у них на завалинке рылся и вырыл бобок; хотел сглотнуть и подавился. Подавился и растянулся, лежит, не дышит. Хозяюшка к нему бежит, спрашивает:

Что ты, петух, лежишь, не дышишь?

Бобком, – говорит, – подавился. Поди к корове, попроси маслица.

Пошла она к корове.

Корова, дай мне масла! Кочет лежит, не дышит, бобком подавился.

– Корова говорит:

Поди к косцам, попроси сена.

Приходит она к косцам.

– Косцы, дайте мне сена! Сено – корове; корова даст масла; масло – кочету; кочет лежит, не дышит, бобком подавился.

Косцы ей говорят:

– Ступай к печее, попроси калачей.

Приходит хозяйюшка к печее.

– Печечя, печечя! Дай мне перепечу калачей. Калачи – косцам; косцы дадут сена; сено – корове; корова даст масла; масло – кочету; кочет лежит, не дышит, бобком подавился.

Печечя посылает ее к дровосекам – дров попросить. Приходит хозяйюшка к дровосекам.

– Дровосеки, дайте дров! Дрова – печее; печечя даст калачей; калачи – косцам; косцы дадут сена; сено – корове; корова даст масла; масло – кочету; кочет лежит, не дышит, бобком подавился.

Дровосеки посылают ее к кузнецу попросить топоров: им дрова нечем рубить. Пошла хозяйюшка к кузнецу.

– Кузнец, дай мне топора! Топор – дровосекам; дровосеки дадут дров; дрова – печее; печечя даст калачей; калачи – косцам; косцы дадут сена; сено – корове; корова даст масла; масло – кочету; кочет лежит, не дышит, бобком подавился.

– У меня, – говорит кузнец, – нет, а новый нечем сделать: углей нет. Ступай в лес, наруби сосновых дров и нажги углев.

Хозяйка съездила в лес и привезла дров, и нажгла углев. Понесла угли кузнецу – кузнец дал топор; пошла к дровосекам – дровосеки дали дров; дрова понесла печее – печечя дала калачей; калачи понесла косцам – косцы дали сена; сено понесла корове – корова дала масла; масло понесла кочету – кочет сглотнул, бобок проглотил и громко запел.

– Кукареку! На завалинке сию, лапотки плету, кофедьк потерял, денежку нашел, девушку купил, платочек ей подарил!

БАРИН И МУЖИК

Жил-был мужик: имел у себя много овец. Зимним временем большущая овца обьягнилась, и взял он ее с двора в избу, с ягненокком. Приходит вечер; едет барин, попросился к нему ночевать. Подошел под окошко и спрашивает: «Мужичок, пусти ночевать!» – «А не будете ночью озоровать?» – «Помилуй! Нам бы только где темну ночьку проспять». – «Заезжай, барин!» Въехал барин с кучером на двор. Кучер убирает лошадей, а барин в дом пошел. На барине был огромный волчий тулуп. Взошел в хату, богу помолился, хозяевам поклонился: «Здорово живете, хозяин с хозяйской!» – «Добро жаловать, господин!»

Сел барин на лавочку. Овца волчий тулуп увидела и глядит на барина; сама глядит, а ногой-то топ, и раз, да и два, да и до трех. Барин говорит: «А что, мужичок, овца ногой топает?» – «Она думает: ты волк; слышит волчий дух. Она у меня волков ловит; вот нынешнюю зиму с десятков пымала». – «Ах, дорого бы я за нее дал! Не продажна ли она? Для дороги мне она хороша». – «Продажна, да дорога» – «Эх, мужичок, да не дороже денег; у барина хватит!» – «Пожалуй, уважить можно». – «А сколько она стоит?» – «Пятьсот рублей». – «Помилуй, много. Возьми три сотенки».

Ну мужик согласился, продал. Барин ночь переночевал, на зорьке встал и в путь собрался; хозяину три сотенки отдал и овечку взял, посадил в санки и поехал. Едет. Идут встречу три волка.

Вот овца увидела волков, так и прыгает на санях, сама через наклёску сикает. Барин говорит кучеру: «Надо пускать: вишь она как раззадорилась?.. Сейчас пымат». (А она боится.) Кучер и говорит: «Постой немножечко, сударь, она раззадорится».

Сверстались волки с ними ровно. Барин выпустил овцу; овца испугалась волков, в лес полетела, коротким хвостом завертела. Как волки за ней залились, только снег раздуваются, а кучер за ней собираются. Поколе лошадушку выпрягал, в погонь за овцой скакал, волки овцу пымали и шкуру с нее содрали, сами в лес убежали.

Кучер подскакал – овца на боку лежит, а ее шкура содрана лежит. Подъезжает к барину. Барин его спрашивает: «Не видал ли чего?» – «Ах, сударь, хороша овца! Вся изорвалась, а волкам не поддалась!» Мужичок три сотенки получил, сидит топерь, барину сказочки рассказывает, а три сотенки в кармане лежат.

КУРОЧКА ТАТАРУШКА

Жили старик да старушка; была у них курочка Татарушка. Снесла она яичко черно, пестро и багровисто; положили они его в клетки на полку, на пряменькую на соломку. Кошечка прыгнула, хвостиком махнула, полочку трягнула, яичко расшибла. Старик заплакал, старуха запричитала, изба затопилась, двери растворились, жернова замололи! Идет баба по воду и говорит дедушке: «Что, дедушка, плачешь?» – «Не знаешь, доченька, моего горя великого?» – «Какое у тебя горе?» – «У меня была едина курочка Татарушечка, снесла одно мне яичко – черно, пестро и багровисто; кошечка прыгнула, хвостиком махнула, полочку трягнула, яичко расшибла; я заплакал, старуха запричитала, изба затопилась, двери растворились, жернова замололи!»

Начала баба с печали ведра колоть. Приходит дьячок, спрашивает: «Что ты, дедушка, плачешь?» – «Ты не знаешь моего горя великого?» – «Какое твое горе великое?» – «Вот была у меня едина курочка Татарушечка, снесла яичко – черно, пестро и багровисто; кошечка прыгнула, хвостиком махнула, полочку трягнула, яичко расшибла; я заплакал, старуха запричитала, изба затопилась, двери растворились, жернова замололи, баба шла за водой, стала ведра колоть...»

Дьячок побежал и начал с печали дедушкиной в колокола бить. Бежит дьякон: «Что ты, дурак, делаешь, в колокола бьешь?» Дьячок говорит: «Ты не знаешь нашего горя великого: вот тут у дедушки была едина курочка Татарушечка, снесла она яичко – черно, пестро и багровисто; кошечка прыгнула, хвостиком махнула, полочку трягнула, яичко расшибла; старик заплакал, старуха запричитала, изба затопилась, двери растворились, жернова замололи; баба шла за водой, стала ведра колоть, а я в колокола бью!» А дьякон говорит: «Я с горя дедушкина все книги изорву!»

Идет поп, подходит к дьякону: «Что, дьякон, делаешь?» – «Ты, батюшка, не ругай – ты не знаешь нашего горя великого! У дедушки была едина курочка Татарушечка, снесла она яйцо – черно, пестро и багровисто; кошечка прыгнула, хвостиком махнула, полочку трягнула, яичко расшибла; старик заплакал, старуха запричитала, изба затопилась, двери растворились, жернова замололи; баба шла за водой, стала ведра колоть, дьячок в колокола бьет, а я книги рву!»

Начал поп их лупить; дьячка-то дубиной, дьякона – вязиной!

Тут и сказке конец.

